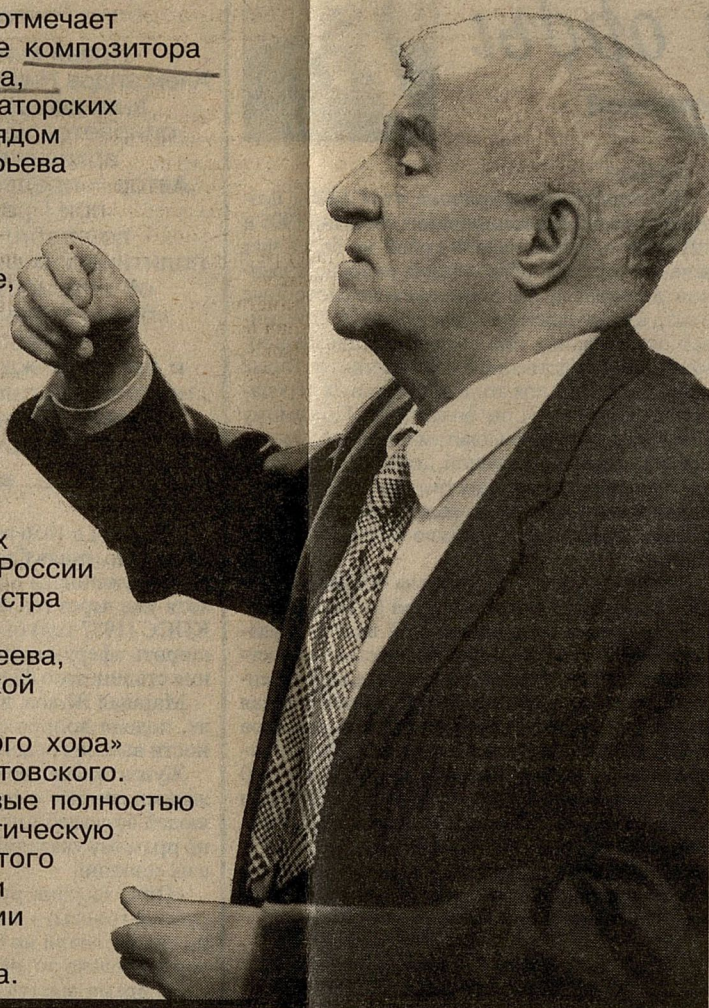

Из города Китежа

В эти дни Россия отмечает восьмидесятилетие композитора Георгия Свиридова, чье имя в консерваторских учебниках стоит рядом с именами Прокофьева и Шостаковича. В двух столицах, Москве и Санкт-Петербурге, проходит грандиозный фестиваль музыки композитора, который продлится до марта следующего года. Его произведения прозвучат в лучших концертных залах России в исполнении оркестра под управлением Владимира Федосеева, Санкт-Петербургской хоровой капеллы, московского «Нового хора» и Дмитрия Хворостовского. Малый театр впервые полностью показывает драматическую трилогию А.К.Толстого о смутном времени российской истории с музыкой Георгия Свиридова.

Георгий Свиридов

Стихия Георгия Свиридова – озвученное слово, музыка на текст: хоровые и камерно-вокальные сочинения на стихи Есенина, Блока, Маяковского, Пушкина, Пастернака. В отличие от большинства мэтров современной музыки, Георгий Свиридов не симфонист и не авангардист. Он не интеллигент-одиночка, не летописец вселенских катастроф, а также не трагик и не мистик. Георгий Свиридов похож на Сергея Есенина простотой и естественностью языка и отвержением всяческих «измов». Гимн русскому духу и одновременно реквием по «отчавившей Руси» – вот музыка Свиридова. Сочинения мастера лишний раз доказывают, что традиционность не помеха оригинальности, а мелодический дар во все времена остается ценнейшей приметой музыкального таланта.

С композитором в канун юбилея беседовала корреспондент «МН» Дина КИРНАРСКАЯ.

– Двадцатый век в России был таким бурным, что, наверное, ваши молодые годы кажутся вам чем-то вроде другой планеты, «другими берегами», как у Набокова.

– Я провинциал, родился в маленьком Фатеже Курской губернии. Я очень горжусь этим городом, он для меня все равно как Китеж. Мать моя по рождению была из крестьянской семьи, но воспитывалась у своего дяди, который был учителем еще в XIX веке. Он по тем временам был большой интеллигент, толстолец по убеждениям. Семья моего отца тоже крестьянская, но сам он служил директором почты, а мать – учительницей. В девятнадцатом году половина нашего рода сгинула в гражданской войне. Брат отца и брат матери погибли на стороне белых, отец – на стороне красных, и я остался сиротой.

Мать моя горела жадой, чтобы я учился музыке, поэтому был куплен рояль из реквизированного у богатеев достояния. Вообще мне повезло: я встречал доброжелательное к себе отношение, будучи еще совсем молодым. Мой преподаватель Мирон Абрамович Крутянский, помню, как-то сказал: «Свиридов, вы никогда не должны бросать музыку, я так понимаю, вы, наверное, будете писать». А я тайно уже сам сочинял.

– Время вашей юности одни проклинали, другие восхваляли. А вы с какими чувствами вспоминаете те годы?

– Я глубоко убежден, что мы живем в роковой век. Мне кажется, Россия – это эпицентр мирового землетрясения: здесь началось и здесь происходили главные события века. Почему Есенин написал про Россию: «Но леса твои и воды затуманил бег светил»? Это ход планет такой: катастрофы российской истории нельзя объяснить только социальными или национальными причинами. Наш век – роковой для человечества, и оно не может успокоиться, пожар горит до сих пор... И самое страшное – жуткое количество людей, погибших насильственной смертью, – убитых, замученных и во время войны, и во время мира.

– Но как бы ни были катастрофичны события российской истории, ваша творческая жизнь развивалась удачно?

– Разве можно это разделить – жизнь человеческую и большие исторические события? Человек, конечно, как отдельная планета, у него свой путь, но все-таки, я бы сказал, человек заряжается определенной энергией, которую он берет буквально из воздуха эпохи. В ужасное время, в тридцать второй год, когда в Курске начинался голод, я уехал учиться в Ленинград. Уехал один, шестьдесят рублей мне мать зашила в рубашку, а я был наивный, верил в свои силы, думал, проживу как-нибудь, хотя в Ленинграде у меня не было ни одного знакомого.

В ленинградском музыкальном училище я написал цикл пушкинских романсов, которые и теперь, спустя шестьдесят лет, часто исполняют. Мне повезло: Союз композиторов выделил мне стипендию имени Луначарского, и вместо сорока пяти рублей студенческой стипендии я стал получать пятьсот рублей в месяц. Одновременно я поступил в консерваторию, даже сначала в Союз композиторов, потом в консерваторию, в класс Петра Борисовича Рязанова. Потом мой учитель был отозван из Ленинграда в Москву. И тогда Союз композиторов устроил так, чтобы Шостакович дал мне несколько консультаций. Это было очень нетрудно, потому что композиторов в ленинградском союзе было мало, человек двадцать пять. Отношения были очень доброжелательные, но без амикошества, на высокоинтеллектуальном уровне. Все в Союзе композиторов, за исключением более молодых, имели, кроме музыкального, еще университетское образование.

Так я стал прилежным учеником Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, учился, потом – война... Я сразу был призван в армию, служил в училище ВНОС – воздушного наблюдения, оповещения и связи, потом был демобилизован; мать, родные – все остались в блокаде. Жизнь моего поколения была трудной, мягко выражаясь, но, видно, судьба меня

хранила, потому что большинство моих современников было убито: и мое поколение, и на десять лет меня моложе – все попали под топор.

– Сейчас много говорят об «особом пути» России. Как вы считаете, правильно ли для России встать на европейский путь развития или у нее есть своя линия?

– По сути дела, человек и даже, может быть, целый народ должны жить, не размышляя об этом, а в силу самого закона жизни. До революции русская жизнь казалась мне естественной: крестьяне возделывали землю, солдаты, такие же крестьяне, их защищали. Дворяне – это привилегированная часть, тоже вышедшая из военного слоя... Был некий традиционный уклад, хороший или плохой. Хорошим до конца ведь ничто быть не может, потому что сам человек несовершенен очень. Но все-таки умозрительное вмешательство, механическое «передерывание жизни» не дает результата, это я вижу. Например, коллективизация: у меня часть родни оставалась в деревне. И когда я к ним приезжал, то видел полный разор: оставались дом, хата, иногда сарай; ни надворных построек, ни сада, ни амбара... Пуньки такие, где маленькие помещения для всякой всячины, риги для зерна – все было уничтожено.

И сейчас... Ясно, конечно, что прежняя жизнь была неудовлетворительна: в старые лозунги уже никто не верил, все это было фарисейство, неправда. Однако пока нового не получилось. Ведь жизнь – это творчество, а в творчестве надо искать. Надо искать свой путь, стремиться к совершенству, но не бросаться куда попало. Сейчас наметился откат к коммунизму, и не потому, что коммунизм прекрасен, а потому, что то, к чему мы пришли, опять не годится. Мне кажется, в этом дело.

– Как вам удалось остаться в стороне от многих течений современной авангардной музыки, пройти мимо «музыкальных крайностей»?

– Нет, я бы не сказал, что я мимо этого прошел. Я пытался и сам писать, используя новые достижения музыкальной техники. Однако дело заключается все-таки не в ней, а в том, каков склад души человека, о чем он хочет написать, что он хочет сказать. Довольно трудно русскому композитору пробиться со своей, так сказать, грамотой, идущей от глубоко традиционной русской музыки. И даже не в грамоте дело. Здесь строй чувств другой немножко.

– Какой это строй чувств?

– Я думаю все-таки, что стал христианином. Я не мог ходить в церковь, когда учился в школе, да меня никто и не заставлял. А постепенно, после войны, так же, как вера, ко мне пришло и национальное чувство. Потому что мне показалось, что музыка наша вся как-то смотрит на Запад, а наша страна со своей несчастной судьбой остается невос-

петой. Или воспетой только через личность, но не сама по себе. Я с большой горечью всегда наблюдал за всем, что с нами происходило, много было унижений, и сам я от этого страдал, но все-таки нам никак нельзя ожесточаться. Русскому человеку свойственна доброта. Нам, по-моему, многое надо терпеть и быть спокойнее. Мужественности надо больше.

– Композитор Роман Леденев сравнил вашу музыку с ясным небом. Вероятно, он имел в виду, что туч и ненастья хватает в музыке других композиторов. Вообще в нашем роковом веке написано много трагической, напряженной музыки, начать хоть с того же Шенберга...

– Да, Шенберг великий человек. Он высказал не только свое душевное состояние, но, как гений, открыл новые возможности и создал новую музыкальную систему, но мне кажется, она мне не подходит. Этим языком невозможно сказать то, что я хочу сказать.

Арнольда Шенберга можно понять: в нем бродили сильные национальные чувства. Ведь он был еврей, а значит, наследник древнейшей культуры. Он написал оперу «Моисей и Аарон», которую я смотрел и слушал в Париже в день открытия суда над гитлеровским палачом Эйхманом, на совести которого столько погибших евреев. Это произведение несет не только художественный или чисто эмоциональный элемент, но и элемент воспитательный, дидактический. Опера «Моисей и Аарон» – как бы поучение еврейскому народу, и смысл его в том, что пьянство, свальный грех, поклонение золоту достойны проклятия. Шенберг говорит,

что евреи не должны так жить, что они должны вернуться к закону, начертанному на скрижалях Моисея, вернуться к религиозному сознанию.

Идея оперы мне очень понравилась, но все-таки музыка меня не увлекла, потому что она совсем лишена мелоса. Беда современной музыки, и системы Шенберга в том числе, в излишнем рационализме. Это музыка умозрительная, вычисленная. Здесь нет того, что может для меня быть притягательным, здесь мало интуитивного, бессознательного.

– В вашей музыке действительно велика роль интуиции – мелодии и поэтического слова. Вы обращаетесь к таким разным поэтам: Блок, Пастернак, Пушкин, Есенин, Маяковский. Пытаетесь ли вы подчеркнуть их отличия или, наоборот, найти в них какую-то общность?

– Нет, я никогда не думаю, чьи это слова. Я пишу, как будто это мои собственные слова. Ведь это же не так происходит – прочел и написал. Я знаю стихи на память, ношу их в себе, иногда много лет, и вдруг получается из этого музыка, вот именно вдруг, непонятно почему.

– Если говорить не только о поэзии, но о русском искусстве вообще, о русской музыке, кто вас больше всего привлекает?

– Мусоргский, конечно. Мусоргский меня потрясает. Я очень люблю его оперу «Борис Годунов». И больше всего люблю сам петь ее под рояль. Она изумительно звучит, когда аккомпанируют на рояле, может быть, потому что он сам был пианистом и все это играл. И вообще это композитор очень живой, и когда его наряжают в оркестровые пышные краски, значит, его искусственно тянут к Мейерберу. Еще я очень люблю Глинку, Шуберга, Шумана, да и вообще романтическую музыку.

Слово «романтизм», кажется, придумал философ Шеллинг. После Великой французской революции он говорил примерно так: «Идеи всеобщего счастья не принесли радости, они зашли в тупик. Искусство же должно воспевать совсем не их, а простого человека, природу, родную землю, мельницу, людей и их жизнь. Искусство должно все это возвеличивать и тем самым возвеличивать Бога». Такое искусство Шеллинг назвал «романтическим», это было в конце XVIII века, когда Моцарт только что умер, а Бетховен был в самом расцвете. Он как будто предвидел, что вот-вот придут романтики – Шуберт, Вебер, Шуман, немецкие гении, а вслед за ними и другие, и русские тоже. Я согласен, что искусство должно возвеличивать мир, жизнь, а через это и свой народ, но, конечно, не только барабанным боем...

– А почему вы не обращаетесь к оперно-симфонической музыке, хотя, казалось бы, это самое близкое?

– У меня такие мысли бывали. Я с раннего возраста получал подобные предложения, даже вступал в переговоры, пытался написать, но не получилось у меня как-то. Шостакович, однако, создал целый симфонический мир, он этот жанр гальванизировал, когда жанр умирал, Шостаковичу удалось его воскресить. Среди нынешних композиторов я очень ценю Валерия Гаврилина, например, его хоровые «Перезвоны» – изумительная музыка. Он схватил то, что я уже не мог услышать: послевоенную музыкальную Россию, песни уже не только народные, но и лагерный фольклор. Эту как будто «низкую» музыку он возвел в перл создания. Вот что останется на будущее, этого ни у кого больше нет. Я вообще убежден, что наша русская музыка – это сильнейшая музыка века, именно потому, что здесь центр мировых событий. И до сих пор этот центр никуда не сместился, он продолжает тут оставаться. Поэтому Россия должна больше всех искать, то есть творить...